

Неаполитанская балалайка

«Терем-квартет» и Владимир Чернов в Доме музыки

концерт Шутка

В Большом зале Дома музыки выступили международно известный баритон Владимир Чернов и «Терем-квартет» — ансамбль, играющий нерусскую и ненародную музыку на русских народных инструментах. О том, как у этого нетривиального тандема получилась программа из сладостных неаполитанских песенок, рассказывает СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

Ощущения от прослушивания «Терем-квартета» всегда двойственны. И даже не только в тех случаях, когда две домры, баян и бас-балалайка исполняют, и скажем, сумрачного Баха. Нехитрые напевы неаполитанских песенок — произведений Тости, Капуа и tutti quanti, озвученные раскатисто-томными («разымчивыми», как сказали бы лесковские мужички) аккордами русских народных инструментов, с одной стороны, вовсе не кажутся поначалу какой-то дичью. Или уж сразу постмодернизмом (репутация остроумцев у «Терем-квартета» почтенна и непоколебима). Совсем нет, скорее нужно некоторое усилие, чтобы отбросить ощущение того, что ты слушаешь передачу «В рабочий полдень» и что вот-вот раздастся коровий голос дик-

Музыканты музыкально-сатирического «Терем-квартета» (Михаил Дзюдзе — слева) были предельно внимательны к серьезному искусству баритона Владимира Чернова (справа) ФОТО МИХАИЛА ГАЛЦУКОВО

торши, которая сообщит, что по просьбе Анны Ивановны Тютиной из села Пупыши прозвучит романс «Только раз бывает в жизни встреча» в исполнении Бориса Штоколова. А передача «В рабочий полдень» ведь не очень годится на роль форпоста постмодернизма.

Надо полагать, это ложное ощущение, потому что декларируемые творческие задачи «Терем-квартета» как раз и состоят в ритуально-смехаческом «принижении» высоколбой культуры квартетной музыки. В пародировании глубоко противостес-

твенных по сути своей «оркестров народных инструментов», которые упорно насаждались и плодились во времена оны. Авторитетная критика даже находит, что именно в этих околобахтинских экзерцициях и состоит секрет того, почему народ так радостно, так широко поддерживает начинания «Терем-квартета»: мол, генетическая память о народной смеховой культуре.

Насчет генетической памяти не уверен. А вообще память и ностальгия на этом концерте, конечно, работали на полную катушку. Но только вот главным

героем был все-таки не квартет, а Владимир Чернов, удачно демонстрировавший артистическую внешность, шутивно-ажитированную жестикуляцию и красивый голос с большим диапазоном на простецком песенном материале — заслушаешься. Но как только дело дошло до единственной оперной вещи — каватины Фигаро из «Севильского цирюльника», вокал сразу стал как-то менее выразительным, а дикция неразборчивой. Звукотехнику, весь концерт напропалую так и сяк подправлявшему совершенно отчаянную подзвучку Большого зала, пришлось долго выкручивать какие-то там ручки, прежде чем из нечеткого набора звуков наконец вырисовалась полагающаяся россиниевская скороговорка.

Этот песенный корпус («Скажите, девушки, подружке вашей», «О Мари» и т. д.), видимо, все-таки отзывавшийся в сердцах публики приятными воспоминаниями, вызывал у нее больший энтузиазм, чем редкие номера «Терем-квартета» без Владимира Чернова. По-своему это понятно. Странновато только, почему столь известный, уважаемый и востребованный в лучших театрах мира баритон избрал именно такую компанию для гастролирования и

концертирования. Что это, просто так — дань дружеским отношениям с музыкантами? Или хитрый коммерческий проект? В последнем случае он довольно удачен, но только вряд ли что-то аналогичное приживется в оперном мире: это явление трудно тиражировать. Ну вот в Петербурге есть «Терем», и там же, в Мариинке, был Владимир Чернов. А что делать более молодым звездам московского происхождения? Ну таким, скажем, как прекрасный молодой баритон Родион Погосов, с недавних пор солист «Метрополитен», пару недель назад приехавший в Москву, чтобы спеть на концерте памяти Евгения Колобова в БЗК. Травестирующими ансамблями москвичи пока что обделены.

Но были бы не против что-то такое заиметь, если судить по сногшибательному уровню аплодисментов. Конечно, в нынешних концертных условиях овации возникают, живут и развиваются каким-то не всегда объяснимым образом. Конечно, зрительский восторг часто привлекают в качестве аргумента: мол, публика понимает, ценит, любит, а снобы критики поджимают губы и брюзжат. Но гут было два обстоятельства, которые не очень укладываются в

эту концепцию. Прежде всего после большей части песенок зал реагировал так, как если бы на сцену некоторым чудом вышли одновременно Аделина Патти, Полина Виардо, Беньямино Джильи и Федор Шаляпин собственными персонами. И не просто на сцену вышли бы, а выложились по полной программе и сами себя превзошли. Почему? Какой такой катарсис открывается всепонимающей публике в этих милых канцонетках, которые Владимир Чернов исполнял с предсказуемым огоньком, но небрежно? И ведь есть еще второе обстоятельство. Казалось бы, сколько обаятельного и трогательного юмора: и южные неаполитанские песни, и Пьяццолла, и Вариации на тему Альбенниса Родиона Щедрина — и все это сыграно на столь странном наборе инструментов, какой представляет собой этот петербургский ансамбль. Но вот беда, вся эта южная заигательность оборачивалась холодноватой головной виртуозностью, постмодернистский же юморок — не самозабвенным карнавальным весельем, а желчным саркастическим зубоскальством. Так что если где-то на этом концерте и были насмешливость и снобизм, так это совсем не в зрительном зале.

Кассисерантъ - 2004 - 22 марта
- с 21.